

Ежегодно, девятого мая, я хожу на праздничный парад в нашем городском парке. Люблю дарить цветы ветеранам и еще раз благодарю за то, что сейчас вижу мирное небо над головой. После всех торжественных мероприятий, устроенных городскими властями, народ уже начинает расходиться. Пользуясь этим моментом, я подхожу к монументу Победы и разглядываю сначала портреты и надписи на самом памятнике, а затем списки с именами солдат, которые погибли на фронте или пропали без вести.

Каждый год я видела такую ситуацию (бываю я на празднике постоянно, с десяти лет): по окончании парада за памятником, на небольшом тротуаре, стояла группа ветеранов, состоящая из человек, примерно, пятнадцати. Они пели фронтовые песни, как веселые, так и грустные. Я всегда с интересом любила наблюдать за ними. Несколько раз я даже подходила к ним, чтобы поговорить о событиях прошедшего века. Все-таки намного интереснее слушать военные истории от первого лица.

Вот на дворе две тысячи четырнадцатый год. Не изменяя своим традициям, я отправилась на парад, посвященный победе. Хочется отметить, что приходила я пораньше, примерно за полтора часа до начала.

Девять утра. По праздничной аллее, украшенной цветами, идет группа нарядно одетых ветеранов. Их ордена переливаются на солнце. Они дружно кладут цветы на мемориал победы, запускают в небо воздушные шарики и после речи главы города расходятся по всему парку.

По своей привычке, я подошла к усыпанному цветами памятнику и начала его рассматривать с таким интересом, будто вижу впервые. Стою, изучаю и понимаю, что нет тех фронтовых песен, которые всегда поднимали настроение или наоборот, оставляли в душе тревожный осадок.

Я спустилась с небольшой мраморной лестницы и отправилась выяснить, в чем дело. Преодолев короткое расстояние, я увидела, что на скамейке сидит один ветеран. Каково было мое удивление, когда из этого "любительского хора", состоящего из пятнадцати человек, остался один единственный. Он сидел на лавочке, опираясь на деревянную трость, устремив свой грустный взгляд куда-то вдаль.

По обычаю,рядом располагалась фронтовая кухня, где угощали кашей и разливали бесплатный чай, но, казалось, что ему было это безразлично. Он просто сидел и как будто кого-то ждал. Будучи человеком не из робкого десятка, я подошла и спросила, куда делся весь этот ансамбль военного времени. Его слова были коротки и ясны: "Умер, внученька, умер. Я один остался".

Нет, не то, чтобы я не знала, что люди когда-то умирают, но когда свидетелем этого факта становишься ты, то кажется, что это, несмотря на естественность, слишком быстро, и не должно было случиться именно сейчас, ведь я знала их, совсем недавно с ними разговаривала… Конечно, с каждым годом число участников любительского ансамбля редело, но это было не так заметно.

"Как тебя зовут?" - спросил он тем же печальным тоном, каков был и его взгляд. "Аня. Я каждый год сюда прихожу. Можете быть уверенным, что у Вас есть преданный слушатель", - немного улыбнувшись, ответила я. Наконец, он перевел свой взгляд на меня. " Расскажите о себе. Как Вы оказались на войне? Каким образом попали в Междуреченск?" - мое любопытство взяло надо мной верх, и я засыпала его вопросами.

"За несколько лет ты первая, кто этим интересуется," - с грустной усмешкой ответил он. "Присаживайся, а то устанешь стоять," - добавил Петр Ефимович. Немного помолчав, он начал медленно отвечать на мои вопросы.

Это была действительно печальная история. Сначала, когда Петру Ефимовичу исполнилось восемнадцать лет, он сразу же записался добровольцем на фронт, его мать и сестры были против. Спустя три месяца, зимой, под Сталинградом, Петр Ефимович был ранен в колено и живот. Он долго лежал без сознания в госпитале, поэтому работники отправили похоронку родственникам. После этого Петр Ефимович вышел из комы. Он хотел отправить письмо родным о том, что жив, но потом передумал. Несколько месяцев спустя Петр Ефимович опять стал "годен".

Он рассказал, как в 1944 чуть не сошел с ума, потому что, отлучившись на двадцать минут, за водой, по его прибытии вся рота была перебита. Бог его тогда спас. Петр Ефимович был один из тех, кто вошел в Берлин, а точнее въехал на танке Т-34.

Причиной его приезда в Междуреченск стала Верочка, жена Петра Ефимовича, которая скончалась более десяти лет назад. Утирая слезы, он рассказывал и рассказывал о событиях минувшей эпохи, в которой была прожита вся жизнь этого замечательного человека.

Закончив свою историю, он глубоко вздохнул, достал из внутреннего кармана своего мундира губную гармошку и начал играть. Я сидела и слушала. Мне казалось, что я чувствовала ту же горечь потерь, представляла, сколько пришлось пережить Петру Ефимовичу. Я сочувствовала, понимая, что больше у этого человека никого нет, кто бы мог выслушать его. И эта боль пронзила мое сердце, я не могла до конца представить, насколько это необратимо.

После того как он закончил играть, по его щеке скатилась одинокая слеза...